

Автор делится впечатлениями о Первом московском фестивале, посвященном охране и реставрации объектов культурно-исторического наследия. Сделан вывод о недостаточном методологическом осмыслении проблемы объекта охраны. Нечеткие дефиниции сущности объекта культурного наследия мешают развитию данного направления, затрудняют взаимодействие органов охраны памятников с деловыми кругами и с общественными организациями.

Ключевые слова: архитектура; культурно-историческое наследие; фестиваль. /

The author shares his impressions on the First Moscow Festival devoted to preservation and restoration of the cultural and historical heritage sites. He makes a conclusion on insufficient methodological comprehension of the subject. Unclear definitions of the cultural heritage site hinder development of this sector and obstruct cooperation of the monument protection agencies with business communities and public organizations.

Keywords: architecture; cultural and historical heritage; festival.

< Золотой диплом проекту "Иркутские кварталы" от имени авторского коллектива получила архитектор Дарья Кремлева

Заметки научно мыслящего культуролога по поводу фестиваля «Архитектурное наследие 2018» /

Впервые в отечественной истории на престижной и обширной площадке Центрального выставочного зала Манеж прошел Всероссийский фестиваль с международным участием «Архитектурное наследие».

Такое не может не радовать. Престижность места и масштаб события – убедительное свидетельство того, насколько серьезно воспринимается сегодня благородное дело охраны и сохранения культурного (архитектурного) наследия. И на этом светлом фоне как-то неожиданно выглядела малолюдность фестивальных мероприятий. Совсем рядом кипела бурная, насыщенная яркими эмоциями жизнь футбольного чемпионата, а в манежных просторах одиноко бродили несколько десятков докладчиков и экспонентов. Вряд ли причиной была неопытность организаторов; скорее, отсутствие посетителей имело корни глубокие, идейно-методологические.

В программе фестиваля параллельно проходили два потока событий. Один поток образовался из докладов представителей самых разных областей и регионов – от Хабаровска до Архангельска. Вторым потоком шел обмен опытом авторитетных и заслуженных экспертов, теоретиков и практиков, архитекторов и реставраторов.

Несмотря на богатое разнообразие докладов, в обоих потоках постепенно начала мерещиться некая повторяющаяся схема. «Посмотрите, – говорили докладчики, – какие замечательные памятники

архитектуры находятся в нашем регионе, какие они уникальные и прекрасные. Но им грозят страшные опасности: они разрушаются, их надо срочно защитить от вандалов, жадных бизнесменов и даже от неквалифицированных или продажных реставраторов. А денег нет или, по крайней мере, их совершенно недостаточно для охраны таких ценных, уникальных и прекрасных памятников».

И все это очень искренне, правдиво, с душой и сердцем.

Три тезиса (памятники прекрасны – они разрушаются – а денег на охрану не дают) выглядели как замкнутый треугольник, внутри которого и циркулирует методологическая мысль.

В докладах европейских коллег прослеживается немного иная схема. На первый взгляд могло показаться, что европейский стиль включает некую открытость новым идеям. Докладчики из Италии, Германии, Нидерландов задавали аудитории много вопросов и постоянно подчеркивали незавершенный, поисковый характер своих работ. Но плотный регламент не оставлял шансов выслушать хоть какие-то ответы слушателей. Доклады следовали один за другим без малейшей паузы, и вопросы оставались риторическими. В итоге получался почти такой же замкнутый треугольник, что и у отечественных коллег. Только европейцы в основном жаловались на собственников объектов наследия, которые, в угоду своим коммерческим интересам,

перестраивают исторические здания, перекрашивают их и вообще всячески трансформируют, уничтожая при этом драгоценные стилеобразующие элементы. Так происходит потому, что эти самые элементы, придающие зданию культурно-историческую ценность, не видны простым глазом. Их различает только эксперт, причем единой методики выявления стилеобразующих признаков не существует, отчего взгляды различных экспертов категорически не совпадают. Пока речь идет о памятниках далеких эпох, некое общее мнение еще можно выделить. Готических соборов осталось мало, так что поставить их на одну стилистическую полочку все-таки удастся. Памятников XX века слишком много и они слишком разнообразны – никак не получается однозначно определить, в чем заключается «формула» стиля конструктивизм и какие именно детали придают зданию свойства «конструктивисткости» и, следовательно, подлежат охране.

Свежо и смело, по-европейски прозвучали выступления Никиты Игоревича Явейна. Его проекты как раз отличаются тем, что почти всегда обращены к негосударственным источникам денег. Вместо того, чтобы просить средства у правительственных структур (у которых, как известно, много не выпросишь), «Студия 44» находит способы привлечь инвесторов совершенно коммерческого свойства.

Среди проектов, о которых шла речь в докладе и на мастер-классе

Никиты Игоревича, были совсем удивительные – например, трансформация торфяной ТЭЦ в жилое здание. Это поражает воображение и внушает уважение. Это остроумно и талантливо. Методология здесь тоже довольно простая и понятная. Внутри памятника выделяется несколько элементов, в которых и сосредотачивается вся ценность, как культурная, так и историческая. Выделенные элементы фиксируются, иногда буквально повисают в воздухе на системе временных опор. Вокруг них все перестраивается и застраивается новыми материалами и новыми смыслами, имеющими коммерческую составляющую.

Эти самые выделенные элементы, разумеется, в процессе реставрации тоже меняют свои смыслы. Например, в уже упомянутой ТЭЦ сохранены огромные контейнеры для загрузки торфа, но теперь они являются такими необычными украшениями общественной зоны внутри здания. Как их будут воспринимать будущие жильцы – вопрос открытый. Но уж точно не в том смысле, в каком они были задуманы и изготовлены почти сто лет назад. И что при этом будет происходить с тем самым архитектурным наследием, которое, собственно, и подлежит охране?

Проекты «Студии 44» в предельной форме обостряют основной вопрос святого дела охраны памятников – вопрос объекта охраны.

Что такое культурно-историческая ценность, как ее измерить

^ Лауреаты первого фестиваля "Архитектурное наследие"

Notes on the Festival "Architectural Heritage 2016" Made by a Scientifically-Minded Culturologist

и где именно она сосредоточена? Об этот вопрос «спотыкается» большинство попыток договориться с коммерсантами; этот же вопрос образует почву для большинства споров и разночтений между практиками-реставраторами, он же мешает развиваться общественным движениям и работе с общественным мнением в нашем общем деле охраны архитектурного наследия.

Ситуация усугубляется тем, что в экспертной среде сама проблема идентификации сущности объекта охраны воспринимается с острым отторжением. Вопрос о том, что же именно мы охраняем, выглядит неприлично и даже святотатственно. Как это – что охраняем? Вы что, не понимаете, в чем заключается культурно-историческая ценность объекта? Ну и о чем тогда с вами вообще разговаривать?

В результате тема приобретает совершенно неуместную окраску, скорее характерную для проявлений религиозного фетишизма.

Поклонение неживым предметам имеет длинную историю. В росписях палеолита – только звери и люди, но неолитическая революция принесла и новые идеи воплощения божества в камень, древесину, кость и металл. Жители Оркнейских островов и египтяне, культуры ведические и друидические, черный камень Каабы и айфон-восемь-плюс – вот уже пятьдесят веков большинство человеческих фетишей сделаны самими же людьми. Их таинственную силу ведают жрецы. У них свои

проблемы: амулеты и идолы полны силы, но на уход за ними все время не хватает денег. Вопрос же о сущности таинственной силы просто неприличен и еретичен для каждого нормального человека.

Древняя традиция жреческого, мистического отношения к объектам культуры жива, прекрасно себя чувствует и продолжает конкурентную борьбу с научным мировоззрением. Отличие вполне очевидное – сектантский подход держится на нескольких запретных вопросах, которые нельзя задавать. В них следует просто верить по завету

Тертуллиана «Credo quia absurdum est». В научном методе запретных вопросов нет и быть не может.

Работа с архитектурным наследием, конечно же, дело святое. Но не в буквальном смысле.

**Константин Лидин /
Konstantin Lidin**

v Обладатели Гран-при фестиваля

